

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-174-183

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального
образования им. К.Д. Ушинского (<https://mipo.online>),
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://www.webofscience.com/wos/author/record/P-4219-2018>
<https://scholar.google.com/citations?user=SE7TDpMAAAAJ&hl=en>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>

«УПРАВЛЯЕМОЕ» ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО

Аннотация. В статье автор предпринимает попытку сформулировать понятие «управляемое прецедентное право», выявить его особенности и сущность, проанализировать примеры формирования судебных прецедентов в разных государствах современного мира, а также анализирует специфическую правовую природу судебного прецедента в российском праве и законодательстве, выявляет место и роль высших судов в формировании единого вектора судебной практики, характеризует централизованно производимую и транслируемую систему правовых ориентиров, которые: возникают «сверху» (прежде всего, на уровне Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) и кодифицируются.

Ключевые слова: прецедентное право, управляемая прецедентность, конституционный суд, судебное решение, применение закона.

GRUDTSINA Ludmila Yu.,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
of the Moscow Institute of Professional Education named after K.D. Ushinsky,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)”,
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences,
Scopus Author ID: 57224262554, Scopus Author ID: 55886571500

“MANAGED” CASE LAW

Annotation. In the article, the author attempts to formulate the concept of “managed case law,” to identify its features and essence, to analyze examples of the formation of judicial precedents in different states of the modern world, and also analyzes the specific legal nature of judicial precedent in Russian law and legislation, reveals the place and role of higher courts in the formation of a single vector of judicial practice, characterizes a centrally produced and broadcast system of legal guidelines that: arise “from above” (primarily at the level of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation) and are codified.

Key words: case law, managed precedent, constitutional court, judgment, application of law.

В российской судебной практике Верховный Суд РФ обеспечивает единообразное применение законодательства, в

том числе, через разъяснения по вопросам судебной практики (Пленум, обзоры и т.п.). Это прямо вытекает из федерально-конституционного регу-

лирования и полномочий Верховного Суда РФ. На практике это дает эффект «квази-нормативного прецедента», когда анализ и обобщение Верховным Судом РФ большого количества однотипных дел, рассмотренных судами разных уровней, дает ориентир для последующих рассмотрений аналогичных дел нижестоящими судами, которые, в свою очередь, ориентируются на имеющуюся практику вышестоящих судов: нижестоящий суд формально применяет статью закона, но фактически применяет ее «прочтение», институционально сформированное сверху.

Конституционные суды в континентальных системах почти неизбежно создают самый сильный уровень прецедентности: их решения обладают особой юридической силой и задают обязательные конституционно-правовые позиции для национальной судебной практики. В сравнительном праве это обычно фиксируется прямо и четко в законе: например, в Германии решения Федерального конституционного суда обязательны для всех судов и органов.

Это важно для понимания общего принципа: конституционный прецедент – достаточно «жесткий» даже в системах, которые не признают прецедент источником права. Управляемость проявляется не только в текстах обзоров и разъяснений, но и в том, какие судебные дела становятся «носителями стандарта». Чем жестче фильтры на уровне кассационного пересмотра судебных решений, тем больше система рассмотрения и пересмотра судебных решений смещается к модели: «меньше судебных дел → выше доля стандартообразующих судебных решений → больше единообразие судебной практики (а значит, система более предсказуема и управляема)». Именно это, на наш взгляд, отличает управляемую прецедентность от «естественной» повторяемости судебной практики.

Под «управляемым» прецедентным правом в настоящей статье понимается централизованная система правовых ориентиров, которые: формируются «сверху» (прежде всего, - на уровне Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, судебные акты которых обязательны для нижестоящих судов), распространяются вертикально через процедуры пересмотра судебных решений, поддерживаются фильтрами допустимости (вплоть до того, «какие дела станут носителями стандарта» (Например, судебное дело Долиной-Лурье)), при этом догматически сохраняется формула «источник - закон, суд лишь толкует норму закона».

Проанализируем зарубежное законодательство и судебные системы государств, в которых присутствует именно управляемое (централизо-

ванное) прецедентное право: когда верховные/конституционные юрисдикции создают и продвигают стандарты специальными механизмами.

В Латинской Америке существует формализованная обязательная «юриспруденция», когда судебный прецедент управляется через формулы и/или режим обязательности применения судебных решений вышестоящих судов.

Конституция Бразилии прямо предусматривает механизм связывающих «сумул» Федерального верховного суда Бразилии (который выполняет, в том числе, роль Конституционного суда). Это классический пример управляемого «судебного прецедента», созданного для стандартизации и управляемости судебной системы Бразилии. В бразильской правовой системе «связывающая сумула» (*súmula vinculante*) - это инструмент, который превращает повторяющуюся конституционную позицию Федерального верховного суда Бразилии (порт. *Supremo Tribunal Federal, STF*) в четкий и понятный нормативный тезис, обязательный для всей судебной системы и публичной администрации. По существу, это не накопление большого и подчас разрозненного массива судебных решений, а управленческое «тиражирование» определенного правила, рассчитанное на уменьшение расхождений в принятии бразильскими судами решений по похожим делам и снижение транзакционных издержек [1].

С точки зрения управляемости правопорядка *súmula vinculante* интереснее классического *stare decisis*: в общем праве (*common law*) правило выводится из *ratio decidendi* (*Ratio decidendi* - это юридически обязательное основание судебного решения: та правовая норма/правило (в формулировке суда) и тот ключевой юридический вывод, без которого итоговый результат по делу был бы иным) конкретного дела и воспроизводится через аргументацию, а в Бразилии высший суд получает конституционно-легальный канал «вывода позиции в норму», дополняемый процедурами исполнения, пересмотра и даже модификации эффекта во времени.

Статья 103-А Конституции Бразилии закрепляет данный правовой механизм: Федеральный верховный суд Бразилии может по собственной инициативе утвердить связывающую сумулу решением не менее 2/3 судей, но только после повторяющихся решений по конституционному вопросу. Далее, сумула должна быть направлена на толкование или анализ эффективности конкретных норм при отсутствии однозначности толкования между судами либо между судами и администрацией, если сумула создает «правовую неопределенность». Наконец, Конституция Бразилии предусматривает специальный правовой

механизм принуждения к соблюдению: при противоречии сумуле или ее неправильном применении допускается обращение с *reclamação* в Федеральный верховный суд Бразилии, который вправе аннулировать акт администрации или отменить судебное решение и предписать новое рассмотрение [2].

Таким образом, встроенные в конституционную формулу правовые фильтры - «повторяемость» позиции, квалифицированное большинство, привязка к конституционной материи и к эффектам в виде правовой неопределенности - делают *súmula vinculante* не просто источником права, а механизмом управления повесткой унификации. STF получает право не реагировать на каждое расхождение, а вмешиваться там, где расхождение становится системным риском для правопорядка.

Закон Бразилии № 11.417 от 19 декабря 2006 г. детализирует конституционную конструкцию и делает ее прикладной. Во-первых, он повторяет ключевые критерии: сумула утверждается после повторяющихся решений по конституционной материи и приобретает связывающую силу после официальной публикации. Во-вторых, закон устанавливает квалифицированное большинство 2/3 и перечисляет субъектов, уполномоченных инициировать принятие, пересмотр или отмену сумулы (включая Президента Бразилии, руководства палат Конгресса, Генпрокурора, политические партии с представительством, губернаторов и широкий круг высших судов) [3].

Ключевой «управленческий» элемент закона - возможность управлять действием нормы во времени. STF вправе, по тому же правилу квалифицированного большинства, ограничивать связывающий эффект сумулы или устанавливать отложенное вступление в силу, если того требуют соображения правовой безопасности или исключительного публичного интереса. Это прямой аналог «модуляции последствий» (*modulação*) [3].

В-третьих, Закон Бразилии № 11.417 от 19 декабря 2006 г. переводит «обязательность» из декларации в режим дисциплины: если судебное решение или административный акт противоречат сумуле, отрицают ее действие или применяют ее неправильно, допускается *reclamação* в STF; при удовлетворении жалобы суд аннулирует акт администрации или отменяет судебное решение, предписывая новое рассмотрение с применением или без применения сумулы, в зависимости от характера ошибки. Дополнительно закон встраивает сумулу в административную процедуру: при ссылке заявителя на нарушение сумулы орган власти обязан мотивировать применимость/неприменимость, а при удовлетворении

reclamação - корректировать будущие решения по аналогичным случаям под угрозой персональной ответственности [3].

Súmula vinculante — это институциональный ответ на типичную проблему континентальной юстиции: в условиях массового судопроизводства и сложной федеративной архитектуры расхождения практики быстро превращаются в «поток одинаковых дел» и подрывают доверие к праву. Бразильская модель не просто признает авторитет высшей инстанции, а конструирует канал централизованного выбора «правообразующих» вопросов и их последующей стандартизации.

Хрестоматийный пример - *Súmula Vinculante* № 13 (непотизм). Сумула в нормативной формуле фиксирует конституционный запрет назначения супругов и родственников до третьей степени (включая «взаимные назначения» - *nepotismo cruzado*) на должности доверия, комиссионные должности и функции с надбавкой в публичной администрации на всех уровнях и во всех ветвях власти. Практический эффект - перевод этического и антикоррупционного стандарта в режим обязательного правоприменения: после публикации сумулы нарушение может быть атаковано напрямую в STF через *reclamação*, что резко повышает предсказуемость и снижает стимул к «локальным исключениям» [4].

Не менее важен кейс *Súmula Vinculante* № 11 (использование наручников). Текст SV 11 (по сути - обязательное правило STF) сводится к трем блокам:

- Наручники допустимы только как исключение (а не «по умолчанию») при наличии следующих условий (угроз): сопротивление, обоснованный риск побега и/или реальная опасность физической целостности (самого задержанного/обвиняемого или третьих лиц).
- Исключительность должна быть письменно мотивирована (*justificada por escrito*). Важно, что такой «компактный стандарт» немедленно распространяется на практику полиции, судов и пенитенциарной системы, а ключевой канал коррекции - *reclamação* в STF, что превращает единичные злоупотребления в управляемую категорию правоприменительного контроля [5].
- Санкции за нарушение: дисциплинарная/гражданская/уголовная ответственность должностного лица и возможная гражданская ответственность государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что бразильская *súmula vinculante* - это «управляемый прецедент» в строгом смысле слова: она институционально отделяет этап «выработки

позиции» (повторяющиеся решения по конституционному вопросу) от этапа «массовой имплементации» (*enunciado* с обязательной силой и механизмом принуждения) правовых норм и решений судов. В результате в Бразилии судебный прецедент перестает быть исключительно техникой судейского рассуждения и превращается в управленческий инструмент: высшая инстанция не просто убеждает, а директивно стандартизирует, при этом сохраняя инструменты адаптации (пересмотр, отмена, модификация эффекта).

Конституция Мексики закрепляет рамочную модель: обязательная сила судебных решений допускается и признается, но ее пределы и механизм задаются законом. В ст. 94 Конституции Мексики прямо установлено, что именно закон определяет, в каких случаях судебные решения федеральных судов будут обязательными [6].

Мексиканская модель «юриспруденции» (*jurisprudencia*) демонстрирует, как континентальная по происхождению система может встроить судебную прецедентность не через неформальную силу авторитета (вышестоящих судов по отношению к нижестоящим), а через т.н. правовой «режим производства обязательности». Здесь судебный прецедент выступает не столько как массив судебной практики, сколько как управляемый институт, когда законодатель задает условия, при которых судебный критерий превращается в обязательный стандарт для судов, и одновременно задает процедуру его «обновления» и прекращения обязательной силы [7].

Законодательная реализация статьи 94 концентрируется в Законе об ампаро (*Ley de Amparo*) (Процедура защиты конституционных прав, закрепленная в конституционном законодательстве Мексики). В Титуле IV закон прямо кодифицирует способы формирования прецедентной системы в Мексике: (1) через обязательные прецеденты (*precedentes obligatorios*), (2) через повторяемость позиции высших судов и (3) через разрешение противоречий в критериях (*contradicción de criterios*). Таким образом, обязательность не является «встроенным свойством» любого судебного решения: она возникает по заранее установленным процедурам и привязана к определенным органам (например, к Верховному суду или к коллегияльным судам округа) [8].

Важный управленческий эффект дает «разделение труда»: законодательство Мексики не только перечисляет режимы, но и закрепляет, какие инстанции вправе производить соответствующую судебную практику. Параллельно определяется и масштаб обязательности: позиции Верховного суда Мексики обязательны для всех юрисдикционных органов федерации и субъектов (за

исключением самого Верховного суда Мексики), позиции региональных пленумов - для судов соответствующего региона, а позиции коллегияльных судов округа - для судов соответствующего округа.

Режим *reiteración* - один из самых «показательных» для управляемой прецедентности в современной Мексике. Закон задает количественный и качественный порог: коллегияльный суд округа формирует обязательную *jurisprudencia*, если он единогласно выдерживает один и тот же критерий в пяти решениях подряд, не прерванных противоположной позицией. Конструкция напоминает сертификацию стандарта: единичное решение еще не создает обязательного правила, но повторяемость, согласованность и отсутствие конкурирующего критерия переводят позицию в режим обязательности.

Режим *contradicción de criterios* институционализирован переработку расхождений (*Contradicción de criterios* (исторически — *contradicción de tesis*) — это особая, «не-контенциозная» процедура унификации судебной практики в Мексике. Ее задача — снять расхождения в правовых позициях (критериях) разных федеральных судов и установить обязательное для них решение. Правовой режим закреплён в Законе об ампаро, Титуло IV, Capítulo IV). Если различные суды (например, коллегияльные суды округа) вырабатывают несовместимые критерии, закон предусматривает процедуру «сведения» противоречия к единому стандарту: конфликт рассматривается либо Верховным судом Мексики, либо региональным Пленумом - в зависимости от того, между какими судами возникло расхождение. Так обеспечивается баланс между единством практики и стабильностью завершённых дел.

Мексиканское прецедентное право «управляется» не только «порогами обязательности», но и форматом представления правовой позиции. Закон требует, чтобы при формировании релевантного критерия оформлялась теза (*tesis*), фиксирующая факты, юридический критерий и краткую аргументацию. Далее предусматривается централизованная публикация этих *tesis* в *Semanario Judicial de la Federación*. По сути, это превращает *ratio decidendi* из объемного судебного текста в стандартизированный, индексируемый и операционально удобный «носитель правила», пригодный для массового применения судами и для комплаенса участников оборота.

Ключевой элемент управляемого прецедентного права - контролируемая возможность отхода. Закон прямо закрепляет, что суды не обязаны следовать собственным прежним *jurisprudencias*; однако отход допустим лишь при наличии достаточной аргументации. В таком слу-

чае прежняя *jurisprudencia* прерывается и утрачивает обязательный характер, а новая формируется по тем же правилам, что и первоначальная. Это дисциплинирует «эволюцию» критериев: смена стандарта становится процедурно осмысленным событием, которое должно быть обосновано и встроено в понятную схему. Тем самым, мексиканская *jurisprudencia* показывает модель прецедентности, принципиально отличную от *common law*. Обязательность здесь не следует из общего принципа *stare decisis*, а конструируется как «режим» с заранее заданными порогами (сколько решений и при каких голосах), процедурами унификации (*contradicción*), каналами распространения и механизмами прекращения обязательной силы (*interrupción*). В терминах управляемого прецедента это означает, что система не ожидает, пока практика «естественно» устоится, а институционально проектирует момент, форму и масштаб правообразования судебной практикой [9].

Прецедентность в КНР устроена принципиально иначе, чем в общем праве (*common law*): она не «вырастает» из практики через конкуренцию аргументов и постепенное накопление *ratio decidendi*, а проектируется и администрируется центром. Система *Guiding Cases* - это не «судебное право» в англо-саксонском смысле, а управленческий контур унификации: Верховный народный суд (SPC) выбирает дела, извлекает из них «правовые ядра» и превращает их в стандартизированный ориентир для похожих споров [10].

Руководящие дела, опубликованные SPC, подлежат учету судами всех уровней при рассмотрении аналогичных дел. В «Положениях о работе по руководящим делам» (Нормативный акт Верховного народного суда КНР 2010 г. — «Положения о работе по руководящим делам»). Он учредил систему т.н. «руководящих дел» (*guiding cases*) и задал ее базовые правила. Суды должны ссылочно учитывать руководящие дела при рассмотрении аналогичных дел. Это не «источник права» в узком смысле: в мотивировке можно цитировать руководящее дело, но не указывать его как правовое основание решения) (2010) это выражено следующим образом: «суды всех уровней при рассмотрении сходных дел должны руководствоваться (следовать как ориентиру)». Но одновременно система сохраняет континентальную идеологию «закон - единственная основа решения»: уже в *Implementing Rules* (2015) проведена граница между референсным использованием и нормативным основанием. Суд вправе ссылаться на *Guiding Case* как на элемент мотивировки, однако не вправе использовать его как правовое основание. Это центральный конструкт модели:

обязательность ориентирования и запрет превращать кейс в «норму». В результате достигается эффект судебного прецедента (единообразие и предсказуемость), но не меняется формальная доктрина источников права.

В системе общего права (*common law*) «ведущими» становятся дела, которые суды «поднимают» через цитирование и практику. В КНР - наоборот: ведущими становятся только те, которые центр назначил ведущими. Механика отбора и легитимации устроена как административно-процессуальный конвейер: создается специализированный офис, отвечающий за отбор, проверку и внесение дел на утверждение; кандидаты могут исходить от судов разных уровней, но проходят многоступенчатый отбор; финальная легитимация происходит через обсуждение и решение судейского комитета SPC.

В англо-саксонской модели «правило» формируется из текста решения через спор о том, где *ratio*, а где *obiter*. В китайской модели правило предварительно выделяется и стандартизируется: *Guiding Case* имеет унифицированную структуру (ключевые слова, «основные пункты/Highlights», релевантные нормы, фабула, мотивировка и т. п.). Отсюда появляется управленческий эффект: снижается вариативность интерпретации. Суд на местах уже не «угадывает», что было решающим - ему дают готовый «смысл нормы», который должен быть воспроизведен в конкретном судебном решении. Отметим, что с 2024 г. КНР усиливает «управляемую прецедентность» инфраструктурно: вводится *People's Court Case Database* как единая база, куда включаются *Guiding Cases* и прошедшие проверку «референсные» дела.

Суды при рассмотрении дел обязаны осуществлять поиск по базе, строго следовать закону и судебным толкованиям и учитывать сходные «включенные» кейсы; «включённые» кейсы могут использоваться как мотивировочные ориентиры, но не как правовое основание; при представлении сторонами «включённых кейсов» суд обязан отвечать в мотивировке [11].

Если поставить рядом три модели «управляемой прецедентности» Японии, Тайваня и КНР, различия между этими моделями становятся концептуально ясными:

Во-первых, Япония добивается единообразия главным образом через де-факто следование позициям Верховного суда и процессуальные барьеры для смены линии (расширенные составы и т. п.). Это «иерархическая привычка» плюс процедурная стабилизация.

Во-вторых, Тайвань институционализирует разрешение расхождений через *Grand Chamber*: конфликт толкований не «терпят», а перерабаты-

вают в единый подход через специальную процедуру. Это управляемость через механизм унификации внутри финальной инстанции.

В-третьих, КНР действует жестче и технологичнее: центр не просто «фиксирует» линию, а назначает ведущие дела, «упаковывает» их в стандарт, обеспечивает обязательный поиск и принуждает к мотивированному ответу. Это управляемость через централизованную селекцию + инфраструктуру обнаружения и применения.

Сильная сторона китайской модели, на наш взгляд, - это скорость и управляемость: она способна быстро «собирать стандарт» в новых сферах (цифровая экономика, комплаенс-контуры, массовые типовые споры), не дожидаясь полной законодательной детализации. Слабая сторона - риск «административизации» судебного развития: когда стандарт задаётся сверху, конкуренция аргументов и «медленная эволюция» могут уступать место политике унификации.

Немецкая модель «прецедентности» работает не через формулу *stare decisis*, а через фильтр допуска ревизии (*Revision*): в ФРГ судебная система заранее решает, какие дела должны стать правообразующими, потому что они (а) развивают право (*Fortbildung des Rechts*), либо (б) восстанавливают/удерживают единство практики (*Sicherung einer einheitlichen Rechtsprechung*) [12]. Это и есть «управляемый судебный прецедент»: не любое решение высшей инстанции «делает право», а только то, которое институционально отобрано для этой функции [13].

Почему это именно «управление правотворчеством», а не просто процессуальная техника? В классической логике континентального права апелляция - это преимущественно коррекция конкретной ошибки. Ревизия в Германии - иной инструмент: она концептуально «публична» по цели. Условие допуска «вшито» в закон: ревизия допускается, когда дело требует решения высшей инстанции ради развития права или ради единообразия (и, отдельно, при фундаментальной значимости вопроса). Отсюда практический эффект: снижается случайность того, какие споры определяют будущую практику; верховные суды получают управляемую «повестку правовых вопросов», а не бесконечный поток частных ошибок; нижестоящие инстанции дисциплинируются: им важно писать решения так, чтобы они были совместимы с линией высших судов и не провоцировали допуск ревизии по основанию «расхождения/подрыва единства». В немецкой доктрине и законопроектных материалах это обычно описывается как смещение акцента к «общественным целям ревизии» (прояснение, развитие, единообразие).

Японское право обычно относят к континентальной традиции: источником «первого порядка»

выступает закон, а судебное решение мыслится как акт применения, а не самостоятельного нормотворчества. В Японии отсутствует формальная доктрина *stare decisis* (*Stare decisis* (лат. «стоять на решенном»)) - это базовая доктрина общего права, по которой суды следуют правовым позициям, уже сформулированным в ранее решенных делах при аналогичных фактах и вопросах права. Обязательная сила распространяется на *ratio decidendi* (существенную правовую основу решения), а не на *obiter dicta* (попутные соображения)) в англо-американском смысле. Однако на уровне реального правоприменения судебные позиции Верховного суда Японии обладают выраженной «де-факто связывающей силой»: Верховный суд Японии, как правило, следует собственной линии, а нижестоящие суды обычно ориентируются на неё как на стандарт разрешения аналогичных вопросов. Тем самым возникает режим управляемой прецедентности, где предсказуемость обеспечивается не «догматикой источников», а сочетанием профессиональной практики и процессуальных барьеров для отклонений.

Тезис о «необязательности» прецедента в Японии корректен лишь на уровне формальной теории: судебные решения не объявлены законом как универсально обязательные нормы для всех будущих дел. В то же время в реальной системе координат отклонение от позиции Верховного суда является институционально дорогим. Суды нижестоящих инстанций понимают, что расхождение с устоявшимся *hanrei* повышает вероятность отмены/изменения решения в последующих инстанциях и создаёт риск признания правовой позиции «нестандартной» в условиях ориентации системы на единообразие. Доктрина прямо фиксирует: хотя прецеденты «не юридически обязательны», они обладают *de facto binding power*, причем это проявляется как в привычке Верховного суда сохранять собственную линию «в нормальных ситуациях», так и в практике нижестоящих судов «обычно следовать» решениям Верховного суда Японии.² Для исследования принципиально важно, что эта де-факто обязательность не сводится к уважению «авторитета» высшей инстанции. Она укоренена в управленческой логике судебной системы: предсказуемость и единообразие рассматриваются как ценность, которая оправдывает «самоограничение» судов и стандартизацию аргументации.

Япония демонстрирует принципиальный тезис для сравнительного правоведения: прецедентность может быть не доктриной «источников права», а инженерией институтов [14]. Отсутствие формального *stare decisis* не устраняет прецедентный эффект; он возникает как: де-факто обязательность позиций Верховного суда в силу ори-

ентации системы на единообразие и стабильность;² процедурный барьер для отклонения от собственной линии Верховного суда (ст. 10 Court Act) [15]; жесткая связывающая сила по конкретному делу через реманд (ст. 325(3) Code of Civil Procedure). В результате участники оборота получают ключевой «прецедентный» продукт - предсказуемость и сниженные транзакционные издержки правовой неопределённости - даже при формальном сохранении континентальной риторики о первичности закона [16].

В Тайване создана система Grand Chamber в судах высшей инстанции для выработки единого подхода (стандарта судебного толкования) при расхождениях в судебном толковании. Grand Chamber создана в Верховном суде - это отдельные Civil Grand Chamber и Criminal Grand Chamber; в Верховном административном суде - Grand Chamber. Состав фиксирован (11 судей в гражданской и уголовной, 9 - в административной), с комбинацией назначаемых/избираемых судей и двухлетним сроком для избранных. Ключевая функция сформулирована предельно прямо: унификация толкования статута.

В common law конфликт практики часто «растворяется» через постепенную стабилизацию прецедента (или через точечный overruling). В континентальных системах - через разъяснения/пленумы или вмешательство законодателя. Тайвань выбрал третий путь: институциональную переработку конфликта внутри самой судебной процедуры финальной инстанции. Если коллегия видит, что ее толкование расходится с ранее сложившейся позицией (или если вопрос принципиально значим), в Тайване предусмотрен механизм направления вопроса в Grand Chamber; при этом модель построена так, чтобы сам суд не мог «тихо» уехать в сторону - запускается процедура согласования/сопоставления позиций между дивизионами и далее - формализованное вынесение на Grand Chamber. Важно отметить, что Grand Chamber не ограничивается внутренним «совещанием судей». Подчеркивается обязательность (или, по меньшей мере, институциональная заданность) устных слушаний, возможность участия представителей сторон и даже привлечение экспертов/учёных для мнений по вопросам толкования. Формально постановление Grand Chamber обязательно для дела, из которого вопрос был передан: коллегия-заявитель должна затем вынести финальное решение в соответствии с позицией Grand Chamber.

Отмечается, что Grand Chamber пришла на смену более старому механизму отбора “precedents/resolutions”, который критиковали за отрыв от фактической основы дел и недостаток прозрачности/участия сторон. Новая система,

напротив, стремится «привязать» унификацию к конкретному спору и обеспечить открытость процесса. Таким образом, Grand Chamber на Тайване - это встроенный в финальную инстанцию механизм унификации толкования, который превращает расхождение практики из «естественного шума» судебной системы в управляемую процедуру выработки стандарта: конфликт выявляется, процессуально поднимается на уровень «большой скамьи», обсуждается в более прозрачном и состязательном формате и возвращается в дело как обязательная правовая позиция, фактически задавая ориентир для всей последующей практики.

Южная Корея. Как и в других континентальных системах, решения Конституционного суда Южной Кореи обладают обязательной силой для судов и государственных органов - сильный уровень управляемой прецедентности на конституционном контуре. В южнокорейской правовой системе (в целом относимой к континентальной традиции) «прецедентность» не является универсальным принципом уровня stare decisis. Однако на конституционном контуре она возникает в очень сильной, институционально закреплённой форме: решения Конституционного суда Республики Корея не просто «убеждают», а обязуют. Именно это и позволяет говорить о «управляемой прецедентности» в конституционном слое.

В континентальной модели базовая логика такова: нормы создает законодатель, суд применяет. Поэтому обычные судебные решения, даже авторитетные, чаще функционируют как ориентир, а не как формально обязательное правило. Конституционный контроль - исключение: здесь суд не просто «применяет», а устанавливает границы допустимого для законодателя и администрации. Южная Корея прямо закрепляет эту роль через юридическую силу решений Конституционного суда.

Согласно ст. 47 Закона Республики Корея «О Конституционном суде» (Constitutional Court Act) [17] решение о неконституционности закона обязывает обычные суды, другие государственные органы и органы местного самоуправления. Это принципиально: обязательность вытекает не из «авторитета высшего суда», а из прямой нормы, которая превращает решение Конституционного суда Республики Корея в юридический якорь всей правоприменительной системы. Дополнительно: по спорам о компетенции Конституционный суд также выносит решения, обязательные для всех государственных органов и местного самоуправления (ст. 67). Когда норма признана неконституционной, обычные суды и органы власти не вправе продолжать ее применять. Конституционный суд Республики Корея тем самым закрывает опреде-

ленную правовую позицию для дальнейшего использования и снимает пространство дискретности: нельзя «иначе истолковать и сохранить».

Статья 47 Закона Республики Корея «О Конституционном суде» предусматривает, что признанная неконституционной норма утрачивает силу со дня решения, а для уголовно-правовых норм предусмотрена ретроактивность (с возможностью пересмотра приговоров). Это уже не абстрактная «высшая юридическая сила Конституции», а конкретный управленческий инструмент: система заранее знает, когда и как меняется нормативная среда.

В конституционной жалобе (constitutional complaint) удовлетворение требований связывает государственные органы: при признании неконституционного бездействия адресат должен совершить новое действие/вынести новое решение в соответствии с позицией суда. Это фактически превращает решение в обязательный «шаблон корректного поведения» для власти. Потому что возникает типичная для прецедента функция: есть сформулированное судом правило, оно обязательно для повторяемого применения другими судебными органами, и оно структурирует аргументацию: чтобы действовать иначе, нужно не «поспорить», а именно изменить нормативный контекст (например, принять новую редакцию закона, отвечающую требованиям суда). Иначе говоря, Конституционный суд Южной Кореи создает «конституционные реперные точки» - набор решений, которые работают как обязательные ориентиры поведения для правоприменителей.

Характерная черта управляемой прецедентности - решения, которые не просто «отменяют», но задают рамку для дальнейшего регулирования (например, признание нормы неконституционной/несоответствующей Конституции с установлением срока на исправление). В публичной дискуссии показательным стало решение Конституционного суда Южной Кореи по климатическому законодательству (август 2024 г.) [18], где суд признал проблемной часть регулирования и указал законодателю устранить пробелы в долгосрочных целях в установленный срок (до конца февраля 2026 г.). Это типичное проявление конституционного «управления неопределённостью»: суд закрепляет обязательный стандарт, но оставляет законодателю пространство для выбора конкретной модели исполнения. Эта обязанность относится прежде всего к конституционному контру (конституционность законов, компетенции, конституционные жалобы). Она не превращает всю систему Южной Кореи в common law, но создает предсказуемость и стабильность действующих законов.

Россия в настоящее время, на наш взгляд, находится не на траектории «общего права», а в

логике управления сложной структурой системы российского законодательства (его применения и интерпретации судами) через обзоры и разъяснения высших судов (Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ): когда правовая система перегружена объемом норм и количеством рассматриваемых судебным делом, государство почти неизбежно усиливает стандарты применения закона, производимые высшими судебными инстанциями. Однако движение в сторону «общего права» можно проследить, с учетом российской специфики и появлением нового, обсуждаемого в российской науке, понятия «управляемая прецедентность». Это режим, в котором повторяемость судебных решений возникает не естественным образом из практики (как в англо-саксонских странах), а производится и распространяется институционально: верховные/конституционные инстанции отбирают правовые вопросы, формируют «стандарты» (обзоры, разъяснения и т.д.) и обеспечивают их тиражирование через фильтры пересмотра и инфраструктуру распространения в структуре судебной системы России.

Список литературы:

- [1] Brasil. Emenda Constitucional nº 45, de 2004 (введение механизма súmula vinculante) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/emendas/emc/emc45.htm (дата обращения: 30.12.2025).
- [2] Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 г. (текст, компилированный до Конституционной поправки № 132/2023) [Электронный ресурс]. Бразилия: Senado Federal, 2023. Ст. 103-A. URL: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/645769/CF88_EC132_livro.pdf (дата обращения: 04.01.2026).
- [3] Бразилия. Закон № 11.417 от 19 декабря 2006 г. «Regulamenta o art. 103-A da Constituição Federal...» [Электронный ресурс] // Portal da Câmara dos Deputados. Art. 1–3. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/2006/lei-11417-19-dezembro-2006-548408-publicacaooriginal-63540-pl.html> (дата обращения: 04.01.2026).
- [4] Conselho Federal da OAB. STF edita súmula que veda nepotismo. Contratações cruzadas também proibidas: notícia de 21.08.2008 [Электронный ресурс]. Текст enunciado Súmula Vinculante nº 13 приведён в материале. URL: <https://www.oab.org.br/noticia/14406/stf-edita-sumula-que-veda-nepotismo-contratacoes-cruzadas-tambem-proibidas> (дата обращения: 04.01.2026).
- [5] FUDOLI, Rodrigo de Abreu. Uso de algebras: a Súmula Vinculante nº 11, do STF: статья (MPDFT), 19.08.2008 [Электронный ресурс]. В статье приведён текст Súmula Vinculante nº 11 и перечислены основные прецеденты (в т. ч. НС

91.952). URL: <https://www.mpdft.mp.br/portal/index.php/comunicacao-menu/sala-de-imprensa/artigos-menu/682-uso-de-algemas-a-sumula-vinculante-n-11-do-stf> (дата обращения: 04.01.2026).

[6] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Art. 94 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scjn.gob.mx/sites/default/files/cpeum/documento/CPEUM-094.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[7] México. Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos (ст. 215: способы установления jurisprudencia) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

[8] Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos: текст по состоянию на 16.10.2025 (Última Reforma DOF 16-10-2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[9] Hernández Montes de Oca, R. La jurisprudencia en la reforma judicial mexicana de 2021 // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucional (UNAM). Последняя модификация: ноябрь 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/cuestiones-constitucionales/article/view/18589/19926> (дата обращения: 04.01.2026).

[10] Supreme People's Court. Guiding Opinions on Strengthening Searches for Similar Cases to Unify the Application of Law (Provisional) [Электронный ресурс] / пер. (англ.) China Law Translate. — 27.07.2020. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/case-review/> (дата обращения: 04.01.2026).

[11] Finder S. The Supreme People's Court's New Case Database [Электронный ресурс]. — 05.03.2024. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/the-supreme-peoples-courts-new-case-database/> (дата обращения: 04.01.2026).

[12] Deutschland. Bundesverfassungsgericht: Wirkung der Entscheidungen (связующая сила решений; отсылка к § 31 BVerfGG) [Elektronische Ressource]. — URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Entscheidungen/Wirkung-DerEntscheidungen/wirkungDerEntscheidungen_node.html (дата обращения: 30.12.2025).

[13] Bundesgerichtshof. Beschluss des II. Zivilsenats vom 17.11.2020 – II ZR 182/19 (электронный ресурс). Доступ из базы juris (дата обращения: 04.01.2026).

[14] Code of Civil Procedure (Act No. 109 of 1996) [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation. — Article 325(3). — URL: <https://www.japanese-lawtranslation.go.jp/en/laws/view/2053/en> (дата

обращения: 04.01.2026). (Японский перевод закона).

[15] Court Act (Act No. 59 of 1947) [Электронный ресурс] // Japanese Law Translation. — Article 10. — URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3225/en> (дата обращения: 04.01.2026). (Японский перевод закона).

[16] The Japanese Judicial System [Электронный ресурс] // Prime Minister of Japan and His Cabinet (Kantei). — URL: <https://japan.kantei.go.jp/judiciary/0620system.html> (дата обращения: 04.01.2026). (Prime Minister's Office of Japan).

[17] Официальная публикация (Электронный вестник, Gwanbo): <https://www.gwanbo.go.kr/> (gwanbo.go.kr). Национальный правовой портал MOLEG — Закон «О Конституционном суде» (корейский текст, консолидация): <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=202763> (law.go.kr).

[18] Полный текст решения (англ., PDF): https://isearch.court.go.kr/download.do?filePath=%2Fst_xml%2Fsd3%2Fcourt%2FxmlData_new%2FxmlFile%2F0%2F010400%2F2024%2Fpdf%2Fe20m389_1.pdf (isearch.court.go.kr).

References:

[1] Brasil. Emenda Constitucional nº 45, de 2004 (introduction of the súmula vinculante mechanism) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/emendas/emc/emc45.htm (access date: 30.12.2025).

[2] Constitution of the Federative Republic of Brazil of October 5, 1988 (text compiled before Constitutional Amendment No. 132/2023) [Electronic Resource]. Brasília: Senado Federal, 2023. Art. 103-A. URL: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/645769/CF88_EC132_livro.pdf (access date: 04.01.2026).

[3] Brazil. Law No. 11.417 of December 19, 2006 "Regulamenta o art. 103-A da Constituição Federal..." [Electronic resource] // Portal da Câmara dos Deputados. Art. 1–3. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/2006/lei-11417-19-dezembro-2006-548408-publicacaooriginal-63540-pl.html> (access date: 04.01.2026).

[4] Conselho Federal da OAB. STF edita súmula que veda nepotismo. Contratações cruzadas também proibidas: notícia de 21.08.2008 [Электронный ресурс]. The text enunciado Súmula Vinculante nº 13 is given in the material. URL: <https://www.oab.org.br/noticia/14406/stf-edita-sumula-que-veda-nepotismo-contratacoes-cruzadas-tambem-proibidas> (дата обращения: 04.01.2026).

[5] FUDOLI, Rodrigo de Abreu. Uso de algemas: a Súmula Vinculante nº 11, do STF: article (MPDFT), 19.08.2008 [Electronic resource]. The article contains the text Súmula Vinculante nº 11 and

lists the main precedents (including HC 91.952). URL: <https://www.mpdf.mp.br/portal/index.php/comunicacao-menu/sala-de-imprensa/artigos-menu/682-uso-de-algemas-a-sumula-vinculante-n-11-do-stf> (дата обращения: 04.01.2026).

[6] Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Art. 94 [Electronic resource]. URL: <https://www.scjn.gob.mx/sites/default/files/cpeum/documento/CPEUM-094.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[7] México. Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos (ст. 215: способы установления jurisprudencia) [Электронный ресурс]. - Access mode: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (access date: 30.12.2025).

[8] Ley de Amparo, Reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos: текст по состоянию на 16.10.2025 (Última Reforma DOF 16-10-2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).

[9] Hernández Montes de Oca, R. La jurisprudencia en la reforma judicial mexicana de 2021 // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucional (UNAM). Last modification: November 2025 [Electronic resource]. URL: <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/cuestiones-constitucionales/article/view/18589/19926> (дата обращения: 04.01.2026).

[10] Supreme People's Court. Guiding Opinions on Strengthening Searches for Similar Cases to Unify the Application of Law (Provisional) [Электронный ресурс] / пер. (англ.) China Law Translate. - 27.07.2020. - URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/case-review/> (access date: 04.01.2026).

[11] Finder S. The Supreme People's Court's New Case Database [Электронный ресурс]. —

05.03.2024. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/the-supreme-peoples-courts-new-case-database/> (дата обращения: 04.01.2026).

[12] Deutschland. Bundesverfassungsgericht: Wirkung der Entscheidungen (связующая сила решений; отсылка к § 31 BVerfGG) [Elektronische Ressource]. — URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Entscheidungen/WirkungDerEntscheidungen/wirkungDerEntscheidungen_node.html (дата обращения: 30.12.2025).

[13] Bundesgerichtshof. Beschluss des II. Zivilsenats vom 17.11.2020 - II ZR 182/19 (electronic resource). Access from juris database (accessed on: 04.01.2026).

[14] Code of Civil Procedure (Act No. 109 of 1996) [Electronic Resource] // Japanese Law Translation. — Article 325(3). - URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2053/en> (access date: 04.01.2026). (Japanese translation of the law).

[15] Court Act (Act No. 59 of 1947) [Electronic resource] // Japanese Law Translation. — Article 10. - URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3225/en> (access date: 04.01.2026). (Japanese translation of the law).

[16] The Japanese Judicial System [Электронный ресурс] // Prime Minister of Japan and His Cabinet (Kantei). - URL: <https://japan.kantei.go.jp/judiciary/0620system.html> (access date: 04.01.2026). (Prime Minister's Office of Japan).

[17] Official publication (Electronic Bulletin, Gwanbo): <https://www.gwanbo.go.kr/> (gwanbo.go.kr). National legal portal MOLEG - Law "On the Constitutional Court" (Korean text, consolidation): <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=202763> (law.go.kr).

[18] Полный текст решения (англ., PDF): https://isearch.ccourt.go.kr/download.do?-filePath=%2Fst_xml%2Fsdata3%2Fccourt%2Fxml-Data_new%2FxmlFile%2F0%2F010400%2F2024%2Fpdf%2Fe2020m389_1.pdf (isearch.ccourt.go.kr).

